

Информация для цитирования:

Ипполитов В. А. Отражение настроений крестьянства в период Первой мировой войны в делах об оскорблении императорской фамилии / В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 504—528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-504-528.

Ippolitov, V. A. (2025). Peasant Sentiment during First World War: A Study of Lèse-majesté Cases in Imperial Russia. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 504-528. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-504-528. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Отражение настроений крестьянства в период Первой мировой войны в делах об оскорблении императорской фамилии

Ипполитов Владимир Александрович

orcid.org/0000-0001-9327-3865

ScopusAuthorID 58616569100

WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
vladimir.ippolitov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132-П,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Peasant Sentiment during First World War: A Study of Lèse-majesté Cases in Imperial Russia

Vladimir A. Ippolitov

orcid.org/0000-0001-9327-3865

ScopusAuthorID 58616569100

WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022

PhD in History,
senior research scientist
vladimir.ippolitov@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out at
the expense of a grant
Russian Science Foundation
№ 22-18-00132-P,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются материалы дел об оскорблении императорской фамилии как индикатор крестьянских настроений в годы Первой мировой войны. Уделяется внимание поколению «революционного перелома», представители которого родились приблизительно с 1885 по 1900 годы. Приоритет отдан рассмотрению отношения сельских жителей к мобилизации, реквизиции лошадей, инфляции и т. д. Автор раскрывает отношение землепашцев к столыпинской аграрной реформе и земельному вопросу в целом. Проведен статистический анализ случаев оскорбления императорской фамилии по возрастному принципу. Подсчитано распределение подсудимых по форме наказания, и проведена группировка по характеру высказывания. Рассчитана доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Реализованный статистический анализ показал, что в случаях обвинения крестьян поколения «революционного перелома» преобладала «площадная брань», антивоенные высказывания и политические мотивы; для них был характерен значительный радикализм и политизация. Установлено, что для риторики более старших возрастов была характерна высокая доля антивоенной риторики, оскорбительные высказывания и недовольство экономическим положением. Отмечаются падение авторитета императора в годы войны, кризис «наивного монархизма» в среде сельского социума, десакрализация образа царя особенно среди молодого поколения крестьян.

Ключевые слова:

крестьянство; общественно-политические настроения; оскорбления; император; Первая мировая война; монархизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines court records of *lèse-majesté* crimes as an indicator of peasant morale during the First World War. It pays particular attention to the “revolutionary watershed” generation, comprising individuals born between approximately 1885 and 1900. The analysis prioritizes rural attitudes toward mass mobilization, the requisition of horses, wartime inflation, and other home-front hardships. The author also explores the peasants’ reception of the Stolypin agrarian reforms and the land question more broadly. A statistical analysis of *lèse-majesté* cases was conducted, disaggregating defendants by age. The study quantifies the distribution of sentences and categorizes the offending statements by their nature. The proportion of crimes committed while intoxicated is also calculated. The statistical findings reveal that peasants of the “revolutionary watershed” cohort were predominantly charged for using “profane language,” making anti-war statements, and expressing political grievances; their rhetoric was characterized by significant radicalism and politicization. In contrast, the rhetoric of older peasants featured a high proportion of anti-war sentiment, personal insults, and discontent with the deteriorating economic situation. The article concludes that these cases evidence a sharp decline in the Emperor’s authority during the war, signaling a crisis of “naïve monarchism” within rural society and a profound desacralization of the Tsar’s image, particularly among the younger peasant generation.

Key words:

Russian Peasantry; Socio-Political Sentiment; *Lèse-majesté*; Tsar Nicholas II; First World War; Monarchism.

УДК 930:343.638(470.23-25)“1914/1918”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-504-528

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Отражение настроений крестьянства в период Первой мировой войны в делах об оскорблении императорской фамилии

© Ипполитов В. А., 2025

1. Введение = Introduction

Среди источников для характеристики общественного сознания российского крестьянства начала XX века особое значение имеют дела об оскорблении императора и членов его фамилии. Данный источник служит индикатором эволюции патриархальных настроений внутри сельского социума в условиях переломного периода, которым являлась Первая мировая война. Общеизвестно, что в ментальных установках русского крестьянства центральное место занимал принцип монархизма. Недаром патриархальные традиции народа считались фундаментом всей российской цивилизации. На протяжении веков образ царя являл собой символ государства. Таким образом, к 1914 году российское социальное пространство можно охарактеризовать как авторитарный патернализм [Булдаков, 2017, с. 153].

Первая мировая война стала в глазах крестьянского социума основанием для проверки способности императора выполнять функцию защитника народа. Неудачи русской армии воспринимались в обществе как свидетельство плохой подготовки к боевым действиям со стороны царя. В условиях мировой войны от российской деревни потребовалась максимальная концентрация сил для ведения колоссального по масштабам конфликта. Землепашцы всегда болезненно относились к рекрутской повинности и мобилизации, чрезвычайным налогам, так как это вело к кризису хозяйства, сопровождавшемуся увеличением доли женского труда.

«Оскорбление Его Величества» относилось к разряду государственных преступлений и было одним из самых распространенных видов нарушения порядка в России начала XX века. Материалы дел об оскорблении лиц императорской фамилии содержат достоверную информацию о настроениях в крестьянской среде. Эти документы уникальны тем, что не только дают возможность ознакомиться с «живой» речью русских крестьян начала XX века, но и содержат всю палитру стереотипных народных представлений о царе и власти.

Согласно 103 статье Уголовного Уложения 1903 года за оскорбление или порчу изображений императорских особ, «учиненные непосредственно или хотя и заочно», обвиняемые могли получить до 8 лет каторги. Наиболее распространенные заочные оскорбления, угрозы, надругательства над портретами наказывались заключением в крепость. Важным добавлением в статье 103 было то, что если «заочные оскорбления, угроза или надругательство учинены по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения, то виновный наказывался арестом» [Новое уголовное уложение ... 1903, с. 45]. Довольно часто эта формулировка позволяла обвиняемым избежать суровых наказаний.

Основное внимание в данной статье уделяется отношению крестьян к мировой войне и социально-экономическому положению в стране, которое выражалось в оскорблениях лиц императорской фамилии. Новизна работы в первую очередь связана с применением методов поколенческой истории при характеристике настроений российского крестьянства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой нашего исследования выступают документы фонда 1405 министерства юстиции, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В дополнение к ним использовались региональные материалы фондов 4 канцелярии губернатора и 272 губернского жандармского управления находящиеся в Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО). Всего исследовано более 259 дел или кратких сводок протоколов по случаям оскорблений императорской фамилии, совершенных крестьянами.

Изучаемый источник можно отнести к делопроизводственной документации или судебно-следственной. Дело об оскорблении императора могло содержать в себе целый комплекс документов: рапорты уездных исправников, обвинительный акт, приговор суда, данные о личности обвиняемого (возраст, сословное положение, семейное состояние), протоколы допроса свидетелей, следственную переписку и т. д. Историк К. В. Самохин при анализе подобного типа источников отмечал высокую степень их достоверности [Самохин, 2024, с. 483].

В последнее время исследователей привлекает поколенческая история российского общества в начале XX века. Значительное количество современных работ посвящены изучению поколения «революционного перелома» [Безгин, 2025; Ипполитов, 2023; Вязинкин, 2023; Сафонов, 2024].

Впервые в научный оборот понятие поколение «революционного перелома» ввел социолог Ю. А. Левада. По мнению ученого, представители этой генерации стали непосредственными участниками революционных

событий в 1905—1930-е годы. Ю. А. Левада считал, что люди данного поколения родились в «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2001, с. 7]. Концепция социолога, сформулированная в начале 2000-х годов, учитывая современные исследования, по мнению автора, нуждается в корректировке.

Ключевым понятием для выделения границ поколений являются формативные годы. По определению Л. Ю. Пушиной, «специфика поколения обуславливается событиями, переживаемыми его представителями в формативный период, скоростью, характером и глубиной социальных трансформаций, уровнем социально-экономического развития общества, политико-идеологическими факторами, уровнем образования и т. д.» [Пушина, 2011, с. 28]. Видный английский социолог К. Мангейм считал, что генерации возникают под воздействием важнейших исторических событий, переживание которых заставляет молодых людей воспринимать мир иначе, чем старшие возрасты [Мангейм, 2000, с. 16].

Согласно концепции Х. Ортега-и-Гассета 15 лет составляют границу одной генерации [Ортега-и-Гассет, 2000, с. 280]. Исходя из этого, хронологические рамки рождения представителей поколения «революционного перелома» можно определить диапазоном с 1885 по 1900 годы, см: [Безгин, 2025, с. 11—19]. Представители изучаемого поколения пережили схожий процесс социализации в свой формативный период в 1905—1922 годах. Ранним этапом становления поколения «революционного перелома» являлись события Первой российской революции, которые повлияли на духовное формирование детей и молодых мужчин того времени. Условная верхняя граница рождений представителей данной генерации связана с мобилизационными кампаниями, проводившимися в годы Первой мировой и Гражданской войн. Люди, родившиеся до или после заявленных границ поколения, имели иной социальный опыт, который сформировался в принципиально других условиях своего формативного периода.

В изучаемой генерации выделяются как минимум две когорты. По наблюдению ученых Н. Хоува и В. Ширауса, родившиеся на стыке генераций составляют «пограничную» группу, которая имеет признаки своих предшественников и последователей [Howe, 1991, p. 58—68]. В данном исследовании рассматривается период с 1914 по 1917 года, следовательно, представителям поколения «революционного перелома» было в это время от 16 лет до 31 года.

В отечественной историографии значительное количество публикаций посвящено проблеме изучения дел об «оскорблении Его Величества». Тем не менее существенные аспекты этой темы продолжают оставаться малоизученными. Крупнейшим специалистом в изучении образа императорской семьи в массовом сознании является Б. И. Колоницкий. Важной заслугой

ученого является разработка методологической модели работы с данными источниками. Б. И. Колоницкий создал классификацию оскорблений в адрес царя: «случайные», связанные с конфликтами в селе, религиозные, политические [Колоницкий, 2010, с. 46]. В своей фундаментальной монографии исследователь резюмирует, что «изучение этого источника не дает оснований для выводов относительно распространенности антимонархического сознания» [Там же, с. 560]. В то же время историк признавал «фрагментацию монархической культуры» в годы Первой мировой войны.

В последнее время появились работы, в которых дела об оскорблениях исследуются как исторический источник. Н. М. Корнева и А. А. Солнышкин детально проанализировали статьи Уголовного Уложения 1903 года, касавшиеся «оскорбления Его Величества» [Корнева, 2022]. Согласно их выводам, события Первой российской революции, не привели к изменению законодательства по данному виду преступлений и Уложение 1903 года оставалось актуальным до падения монархии. Н. В. Патраш, считает, что материалы судебно-следственных дел могут служить существенным дополнением к другим источникам по изучению трансформации образа царя в массовом сознании [Патраш, 2016, с. 100].

За последние годы появился целый ряд крупных публикаций, посвященных оскорблению крестьянами императорской фамилии, основанных на региональных источниках. На материалах Тамбовской губернии В. Б. Безгин доказывает тезис об отсутствии преступного умысла в высказываниях крестьян. Историк подчеркивает, что оскорбительные высказывания демонстрировали падение авторитета царя и утрату доверия к системе власти [Безгин, 2016, с. 27]. Исследователь отмечает рост оскорбительных высказываний со стороны землепашцев в адрес царя в годы Первой мировой войны [Там же, с. 26]. На примере Нижегородской губернии А. Н. Лушин и К. А. Чудецкая изучили опыт деятельности полиции по пресечению оскорблений императорской фамилии [Лушин, 2020].

Количественные методы исследования применил А. С. Слепцов, анализируя дела по оскорблению императорской семьи, возбужденные в Области войска Донского [Слепцов, 2024]. Исследователь с помощью метода группировки создал базу данных, благодаря которой выявил социальную и территориальную специфику данного вида преступлений [Слепцов, 2024; Его же, 2024].

Ряд специалистов считают, что материалы следственных дел позволяют судить о падении авторитета правящего монарха. Например, Ю. В. Варфоломеев утверждает, что данные источники «проясняют, как нарастающее недовольство населения, проявлявшееся в том числе и в публичном оскорблении царя, влияло на судьбу государства в критический для него

период» [Варфоломеев, 2024, с. 44]. Историк констатировал, что рейтинг Николая II в российском обществе был ниже, чем у кайзера Вильгельма II [Варфоломеев, 2010, с. 75]. Он же на основе количественного анализа материалов Саратовской судебной палаты делает вывод об эволюции характера государственных преступлений в сторону десакрализации царской власти в канун Великой российской революции [Варфоломеев, 2023, с. 84]. Аналогичные взгляды высказывал В. В. Кулачков, основываясь на материалах следственных дел Западного региона. Историк показал явные признаки разочарования сельского социума в верховной власти, которая традиционно персонифицировалась в лице императора [Кулачков, 2016, с. 134]. Схожая позиция у И. Н. Кузнецова, который на основании анализа документов Вологодской губернии пришел к выводу, что недовольство крестьян было вызвано в первую очередь «усталостью от войны» [Кузнецов, 2013, с. 224]. В. Б. Аксенов назвал годы Первой мировой войны «временем отречения народа от своего царя» [Аксенов, 2021, с. 150].

Интересно мнение Н. А. Коноваловой, предложившей отбросить «случайные» оскорбления царствующих особ, которые проявлялись лишь в привычке употреблять матерные слова [Коновалова, 2014]. Историк считает малоинформативными дела о так называемых карнавальных оскорблениях, то есть выражениях, произнесенных в пьяном виде и по случайному поводу. На материалах следственных дел Сибири историк делает вывод, что недовольство крестьян проявлялось против личности царя, но не против принципа самодержавия [Там же, с. 46].

Наконец, О. С. Поршнева в своей фундаментальной монографии писала о начале коррозии ряда базовых ценностей сельского социума в годы мировой войны, проявившейся в том, что монархия утрачивает привлекательность в глазах огромной части крестьян [Поршнева, 2004, с. 84—85].

Но не все историки единодушны в оценке материалов по оскорблениям императорской фамилии как маркера крестьянских настроений. Например, Д. А. Сафонов, проведя количественный анализ дел об «оскорблении Величества» в Оренбургской губернии, подверг сомнению распространенный тезис о разрушении принципов «наивного монархизма» в сознании масс. Автор подчеркивает, что исследователи, которые работают с данным источником, имеют дело лишь с негативными суждениями, не могут сравнить их с положительными мнениями, которые в документах не отразились [Сафонов, 2017, с. 203]. Д. А. Сафонов считает, что дела «об оскорблении» представляют интерес прежде всего для изучения уровня правосознания масс. Автор отмечал серьезные недостатки в деле осуществления правосудия по делам об оскорблении из-за невозможности строго следовать букве закона [Сафонов, 2016, с. 178].

Несмотря на значительное количество публикаций по исследуемому вопросу стоит отметить недостаточное количество обобщающих работ на общероссийском материале по данной теме. Практически все упомянутые исследования проведены на материалах одной губернии. В историографии, затрагивающей период 1914—1917 годов, пока довольно слабо представлены количественные методы исследования. Возраст преступников обычно не принимается во внимание, к тому же в материалах дела выписки из метрических книг не всегда присутствовали. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что поколенческий аспект данной темы остается неизученным.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Антивоенные настроения крестьян поколения «революционного перелома»

Для крестьян поколения «революционного перелома» ключевым фактором, определявшим отношение к власти, являлся призыв на действительную службу. Широко распространенным мотивом оскорбления императора в исследуемой генерации было нежелание потенциальных призывников отправляться на фронт. Типичный случай произошел в Пермской губернии в ноябре 1914 года, где землепашец Я. А. Пищальников (25 лет) во время разговоров о мобилизации ратников ополчения заявил: «Я Николке не служака» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 225] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). В декабре 1915 года ярославский крестьянин И. В. Хомутов (18 лет), находясь в состоянии опьянения во время ссоры с парнями из-за девушки, кричал, размахивая ножом: «Лучше двоих зарежу, а служить Николашке не пойду» [Там же, л. 80]. В мае 1914 года в Псковской губернии Н. И. Жук (19 лет), подлежащий призыву на службу, во время гуляний выкрикнул: «Сдадут в солдаты — служить не буду Николаю-дураку». В ходе следствия молодой человек объяснял свой поступок глупостью [Там же, л. 190]. Схожие мотивы прослеживаются в деле вологодского крестьянина Е. И. Леготина (19 лет). В день призыва на службу он в состоянии сильного алкогольного опьянения во время гуляния произнес: «К ..., я лучше пойду служить германскому царю, нежели нашему» [Там же, л. 193].

Реквизиция лошадей на нужды фронта также являлась одной из причин недовольства крестьянства политикой власти. Хлебопашец Минской губернии К. Г. Кушель (27 лет) в беседе о поставке лошадей по военноконской повинности сказал: «Если бы ко мне за лошадьми пришел сам государь император, то я взял бы кол и прогнал бы его как собаку» [Там же, л. 99]. В селе Карай-Салтыково (Тамбовская губерния) И. Д. Семенов

(30 лет) в июле 1914 года во время проверки лошадей высказался: «Зачем нам воевать и зачем идти на службу, для того чтобы нас убили нам все равно подчиняться русскому царю так и немецкому» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 8998, л. 1]. Судя по материалам дела, речь крестьянина вызвала «тревожное настроение» среди населения. Симптоматично, что все население села Карай Салтыково считалось «революционного направления», что было следствием крестьянских выступлений 1905—1906 годов.

Нередко потенциальные призывники не только не горели желанием отправляться на фронт, но и осуждали тех, кто уже воевал. В 1915 году в Тамбовской губернии загонщик скота Т. Н. Коновальцев (30 лет) на упрек в том, что он загнал лошадь мужика, у которого три сына сражались на фронте, ответил: «Разве они за меня пошли на войну, мне ... с войной и государем» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2365, л. 9].

Крестьяне — отходники, находившиеся в городах на заработках, оторванные от привычного им социума, нередко попадали под влияние антивоенной или антимонархической пропаганды, что могло стать причиной произнесения «брани» в адрес царя. В ноябре 1915 года уроженец Костромской губернии А. М. Жиров (31 год) в Петрограде в трактире «Астория», помимо площадной брани в адрес императора, на вопрос, про кого он говорит, заявил: «...а про того, который на троне сидит и из-за которого гибнут миллионы на фронте» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 70]. Как видно из материалов дела, сам Жиров, как рабочий авиационного завода, был освобожден от призыва на службу. 19-ти летний крестьянин Гродненской губернии Ф. В. Цитко в городе Белостоке во время визита императора спросил: «Что уже проехал этот черт рогатый» [Там же, л. 77]. Землепашец из Самарской губернии, работавший на железнодорожной станции Харьков-товарный, Н. А. Макеев (25 лет), судя по доносу, произнес за завтраком оскорбление в адрес императрицы [Там же, л. 302].

Принятие Николаем II в сентябре 1915 года верховного командования над армией не вызвало в сельской среде энтузиазма, ожидаемого властью. Крестьянин Тамбовской губернии И. Г. Агеев (17 лет), работавший шахтером в Таганрогском округе, принял участие в разговоре о принятии императором командования войсками, заявив: «Он ни ... понимает в этом деле, а только может сеledку носить» [Там же, л. 191]. Для недавних выходцев из деревни работа на промышленных предприятиях стала фактором их духовного раскрепощения, которое выражалось в числе прочего в критических высказываниях относительно верховной власти.

Неверие в способность императора переломить ход войны проявлялось в замечаниях крестьян о его якобы пронемецких симпатиях. В сентябре 1915 года неграмотная томская крестьянка А. В. Толстикова (30 лет)

в беседе с односельчанкой выказалась по поводу принятия Николаем II командования: «... немцы говорят, что он за них, а не за нас» [Там же, л. 194].

В материалах дел обычно не фигурирует обсуждение положения дел на фронте, но отдельные, видимо, грамотные крестьяне комментировали военные события. В июне 1916 года в Тамбовской губернии 27-летний П. И. Тимофеев в разговоре с односельчанами и раненым солдатом, помимо нецензурной брани в адрес императора и великого князя Николая Николаевича, которых якобы нужно повесить, произнес, что царь «продал Варшаву и весь польский край» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9494, л. 1]. Один из собеседников донес об услышанном, после чего Тимофеев был задержан. По материалам дела видно, что обвиняемый ранее уже отбывал наказание в тюрьме, что, вероятно, способствовало радикализации его взглядов. По наблюдению И. Н. Кузнецова, для «предреволюционного периода стало характерно проявление необъяснимо жестокого отношения отдельных представителей крестьянского населения к царственному дому» [Кузнецов, 2013, с. 224].

Измена в «верхах» как часть антимонархических слухов встречается в делах, касавшихся крестьян. Жительница Полтавской губернии М. П. Тума (20 лет) в разговоре со знакомой заметила: «... немцы нас бьют, потому что в армии, все сволочь и изменники». На замечание собеседниц о роли царя Тума добавила: «Все продажные и сволочь, и государь тоже сволочь, столько он передерживал немцев в России, и вот теперь немцы нас и бьют» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 62].

3.2. Социально-экономические мотивы в оскорблениях императора крестьянами поколения «революционного перелома»

Низкий общекультурный уровень большинства российского крестьянства обуславливал размытость их социально-экономических настроений в изучаемый период. В то же время в массе случаев высказывания землепашцев достаточно конкретны. Солдаты, приезжавшие в отпуск, далеко не всегда выступали защитниками императора в сельских спорах. В апреле 1916 года в Московской губернии 23-х летний В. Н. Монахов в деревенской чайной во время разговора с товарищами о нежелании воевать бранил императора и хвалил своего сослуживца, который попал в плен. Исходя из материалов дела известно, что Монахов, по происхождению землепашец, воевал с 1914 года и был ранен [Та же, л. 298]. Тобольский крестьянин Н. В. Покушев (29 лет) во время отпуска, присутствуя при проверке по делу незаконно срубленного казенного леса, сказал: «... правительство, а с ним вместе и государя» [Там же, л. 399]. Сельчане считали лес, как и все недра, своими, неслучайно «аграрные беспорядки» начинались именно с самовольных порубок.

«Аграрный вопрос», всегда волновавший крестьянина, служил поводом к оскорблениям императора, допустившего, по мнению обвиняемых, несправедливое распределение земли. Екатеринославский землепашец П. Д. Куницкий (26 лет), являясь наемным работником, получил замечание от дочери владельца за отдых в неположенное время. После этого Куницкий при свидетелях заявил в адрес императора: «Чертов барбос, дурак, пораздавал землю богатым. Я бы тебя за то, что ты дал нашему хозяину много земли, зарезал бы» [Там же, л. 355]. В деле нет упоминания об алкогольном опьянении, следовательно, молодой человек вполне сознательно излагал свои мысли.

В ряде дел фигурирует недовольство крестьян столыпинской аграрной реформой. 28 февраля 1916 года житель Тульской губернии С. М. Кутнев (30 лет) в беседе с односельчанами заявил: «Вот порезал царь землю на участки, а что нам делать на участках? У нас в России порядков нет, немцы хозяйничают» [Там же, л. 37]. В июне 1914 года в Вятской губернии 17-летний А. С. Первяков, названный в деле «праздношатающимся», на утверждение о том, что царь дал им «хороший» закон о выходе из общины, сказал: «... государю, он меньше моего знает» [Там же, л. 19].

В целом ряде случаев прослеживается связь негативных отзывов об императоре с ухудшившимся материальным положением землепашцев. В сентябре 1915 года крестьянин Таврической губернии А. С. Чабан (31 года) при разговоре об аренде земли посетовал: «Как мы будем платить деньги, когда нас царь разорил». Своё преступление впоследствии он объяснил расстройством после получения письма от брата из немецкого плена [Там же, л. 250].

В здании Крестьянского Поземельного банка Тамбовской губернии Н. Ф. Ширяев (23 года) при свидетелях «в разговоре сам с собой» произнес: «Нас всех заберут, и тогда лучше будет — за границей сахар 7 копеек, а у нас все дороже, правительство ни за чем не следит» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 8948, л. 7]. Очевидно, что опасение идти на военную службу усугублялось недовольством ростом цен из-за инфляции.

В Тамбовской губернии в селе Ново-Никольском в сентябре 1914 года на сельском сходе обсуждался вопрос о платежах за землю крестьянскому поземельному банку. На нем местный сельский староста М. П. Зацепин (31 года) заявил, что в его товариществе платить не хотят: «... какому государю платить-то — кто её знает, кому мы будем служить» [Там же, д. 8930, л. 2]. По словам свидетеля урядника Тюренкова, это высказывание подействовало на крестьян, и платежей в этот день поступило мало. Характерно, что Зацепина первоначально приговорили к высылке из губернии на один год, но позже дело было прекращено из-за недостатка улик.

Молодые крестьяне, пережившие в детстве события Первой российской революции, нередко выступали зачинщиками беспорядков в последующее десятилетие. В августе 1915 года землепашцы Тамбовской губернии С. С. Башков (19 лет) и А. А. Цыплаков (23 года) явились на хутор землевладельца Иванова за своими лошадьми, пойманными во время незаконной поправки. На замечание зрителя о том, что они не годятся служить ни барину, ни императору, Цыплаков возразил: «А за какой ... идти на войну — наш царь земли нам не раздал» [Там же, д. 8949, л. 7]. В данном случае, несмотря на алкогольное опьянение, молодые люди вполне осознанно провели связь между необходимостью рисковать жизнью на фронте и осуществлением вековой мечты российского крестьянства о «черном переделе».

Антимонархический характер носила реплика крестьянина Эстляндской губернии А. Н. Яныкова (31 год), который вопреки запрету владельца проехал через лес. На упреки лесника землепашец ответил: «Пусть хоть сам царь поедет по этой дороге, если не послушается — буду стрелять» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 4]. В данном случае примечательно переплетение экономических и антимоноархических мотивов, хотя произнесены эти слова были в пылу спора.

Молодые крестьяне поколения «революционного перелома», работавшие в дворянских имениях по найму, демонстрировали более радикальные настроения, чем представители старших возрастов. В сентябре 1915 года в Херсонской губернии батрак П. А. Онищенко (21 год), явившись в экономию Ток, стал грубо требовать себе хлеба на кухне. В ответ на просьбу подождать молодой человек побил служащую и разразился «площадной бранью» в адрес императора [Там же, л. 71].

Часть крестьянства выражала недовольство запретом производства и продажи алкогольной продукции в годы войны. В декабре 1914 года крестьянин Томской губернии Н. М. Алтухов (24 года) на сельском сходе, посвященном распоряжению о закрытии продажи спиртных напитков, произнес: «Вот царь подписал указ, вот и дурак, что подписал, зачем было подписывать» [Там же, л. 146]. В 1915 году тамбовский крестьянин А. П. Дунаев (32 года), зайдя в избу зимой, потирая руки, произнес: «Эх ... теперь хорошо бы выпить с мороза, а кто виноват — царь, что запретил торговлю водкой» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2357, л. 4]. Но, несмотря на запрет, значительное количество преступлений в деревне совершалось в состоянии алкогольного опьянения. Фактор употребления спиртного в крестьянской среде играл важнейшую роль. Б. И. Колоницкий считал, что оскорбления императора — по большей части «пьяное преступление» [Колоницкий, 2010, с. 50]. По подсчетам Д. А. Сафонова, нетрезвое состояние упоминается в 21 % дел об оскорблениях в Оренбургской губернии [Сафонов, 2016, с. 179].

3.3. Крестьянские оскорбления императора с политическими мотивами

Примечательно дело, разобранное мировым судьей Томской губернии, где обвинялись трое крестьян, которые принадлежали к поколению «революционного перелома». Р. П. Петров (31 год), Г. А. Самарин (20 лет), П. А. Курский (22 года) в состоянии опьянения в присутствии полицейского сотника выкрикивали: «... церковь, Бога, царя и правительство» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 363]. В данном случае недовольство землепашцев царем сочетается с атеистическими мотивами.

Довольно распространенным местом произнесения «крамольных» речей являлся сельский сход. В Томской губернии братья литовского происхождения Н. Х. и М. Х. Ростенс (28 и 31 год), явившись на сход, пытались сорвать со старосты должностной знак и кричали оскорбительную брань в адрес императора. Симптоматично, что один из братьев уже побывал на фронте, где получил ранение [Там же, л. 195]. Анализ материалов позволяет утверждать, что прибывавшие в отпуска военные нередко становились обвиняемыми по статье 103 Уложения о наказаниях.

Как правило, речи крестьян не содержали политических лозунгов, но отдельные радикально настроенные молодые люди, несмотря на опасность, выкрикивали революционные фразы. Рязанский крестьянин И. А. Зенуков (27 лет) на станции в нетрезвом виде закричал: «Долой царя, долой самодержавие. Да здравствует революция!» [Там же, л. 277].

Примечательный случай упоминания политической партии в оскорбительной речи зафиксирован в апреле 1916 года в селе Дубасово Пермской губернии. Крестьянин П. И. Мезенин (27 лет) обратился к прибывшим с фронта солдатам с речью: «Вы не знаете, за что служили: вы защищали черную сотню, а я защищал социал-демократическую партию». Речь молодого человека сопровождалась бранью в адрес царя, правительства и сената [Там же, л. 276]. По материалам дознания видно, что Мезенин был женат и грамотен, но неясно, состоял ли он в партии и участвовал ли в революционном движении.

В документах следствия встречаются крестьяне, уже подвергавшиеся преследованиям за участие в аграрных выступлениях в годы Первой российской революции. Например, житель деревни Агаревские Выселки Тамбовской губернии И. И. Кульдичев (41 год) в 1906 году был обвинен в публичном чтении прокламации: «Чего хотят люди, которые ходят под красным флагом». Это дело было прекращено безо всяких для Кульдичева последствий. В 1915 году крестьянин, согласно показаниям свидетелей, сказал: «Служить идут одни дураки <...> русским будет лучше, если победит Германия, так как в Германии заботятся о своём народе» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, л. 12].

В рассматриваемый период редко встречаются дела об оскорблении предшественников императора. Одно из таких преступлений произошло в Полтавской губернии, когда 26-ти летний крестьянин Н. М. Полывянный, взяв 25 рублевый билет с портретом Александра III, произнес: «Дивитесь какой арестант» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 226]. Война и порождённые ею проблемы делали неактуальным обращение к истории в среде малограмотных землепашцев.

Некоторые дела были возбуждены по откровенно малозначимым проступкам. Крестьянин Томской губернии Ф. Г. Аренштам (23 года) поднес к портрету императора зажжённую папиросу и заявил: «Смотрите, он курит и дым в нос пускает». На следствии он объяснил свой поступок легкомыслием, признался, что не хотел оскорбить государя. За это хулиганство с молодого человека взяли подписку о невыезде [Там же, л. 188]. Пермский крестьянин И. П. Петров (19 лет) в компании нетрезвых парней пел непристойные песни, в которых были слова: «Наш государь Николай по-собачьи полай» [Там же, л. 279]. За свой поступок он наказания никакого не понес, так как был призван на военную службу.

Старшее поколение, не попадавшее под призыв, помимо осуждения войны, часто выражало недовольство вызванной ей инфляцией. Крестьянин Костромской губернии П. О. Песков (57 лет) в разговоре с соседями сказал: «Дороговизна оттого, что государыня императрица отправила за границу 80 вагонов сахара» [Там же, л. 147]. Новгородский землепашец С. А. Беляев (49 лет) жаловался на «дороговизну жизни»: «Царь обобрал всех людей на войну, увеличил налоги, отдал немцам 12 городов, а когда народ разбежится, он заберет себе всю землю» [Там же, л. 13].

Для настроений крестьян старшего поколения характерно стремление к справедливому распределению земли. В декабре 1915 года хлебопашец Воронежской губернии И. Ф. Романенко (62 года) на замечание односельчанина о недостаточности наделов и о том, что «может быть после войны всем поровну будет», сказал: «Да, уравниется — наши цари все сатаны» [Там же, л. 63]. Данные высказывания типичны для крестьянских разговоров.

Показателен случай, произошедший в октябре 1915 года в Тамбовской губернии. Дьякон М. П. Покровский (64 года) при свидетелях сказал: «После войны с Японией у нас были сильные беспорядки — грабили помещиков, а по окончании войны с Германией будут беспорядки для свержения дома Романовых» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2971, л. 2]. Данный факт демонстрирует нелояльность к императору со стороны представителя низового духовенства, который должен был быть опорой власти в деревне. В то же время для лиц духовного сословия были не характерны подобные преступления.

Среди обвиняемых старшего поколения заметна категория солдатских жен. В Подольской губернии жительница села Наливайки Е. А. Чабанюк (34 года) в присутствии соседей произнесла: «... его мать с государем, забрал моего мужа на войну, а мне что делать». Указанная крестьянка до этого подозревалась в краже кукурузы [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 201]. Воронежская крестьянка А. В. Фуфаева (32 года), имевшая малолетних детей, была осуждена на надзор со стороны полиции за брань в адрес царя [Там же, л. 128]. Тяжелое материальное положение семей, оставшихся без кормильца, провоцировало негативные эмоции в адрес императора.

Оскорбления императора были частью глухого ропота в российской деревне в годы мировой войны. Согласно рапорту генерал-майора Волкова, обнаруженному в составе документов одного из дел по оскорблению царя, в 1915 году в Лебедянском уезде Тамбовской губернии «замечается большая распущенность в разговорах» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2355, л. 16].

3.4. Специфика и количественный анализ дел об оскорблении Величества, фигурантами которых были представители поколения «революционного перелома» и старших возрастов

Расследование дел по оскорблению лиц императорской фамилии осложнялось возможностью сведения счетов между свидетелями и обвиняемым. Например, при разборе случая С. П. Лощманова (27 лет) из Могилевской губернии выяснилось, что сыновья и племянник свидетеля Карпова несколько лет назад убили зятя обвиняемого [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 45]. При рассмотрении дела тамбовского крестьянина И. И. Кульдичева показания на него не были приняты во внимание, так как очевидцы преступления были осуждены судом к выплате штрафа в его пользу [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, л. 13].

Ненадежность сельских свидетелей была фактором, осложнявшим расследование дел по статье 103 Уложения о наказаниях. Например, крестьянка Тамбовской губернии Е. И. Новикова (30 лет) обвинялась в оскорблении императора и великого князя Николая Николаевича на основании показаний её односельчанок. Однако вскоре они отказались от своих свидетельств, как видно из материалов дела, после обещания Николаевой дать им фруктовой воды и пуд баранок. Следовательно, занимавшийся этим делом, сетовал на то, что, несмотря на «полную внутреннюю уверенность в виновности Николаевой и подкупе свидетелей, формально это установить нельзя» [Там же, д. 2355, л. 16].

Судам при рассмотрении изучаемых дел приходилось учитывать нередко запутанные отношения в среде деревенского социума. Так, тамбовский крестьянин И. Л. Филатов был оправдан из-за того, что свидетельни-

цы по его делу были с ним во враждебных отношениях из-за земельных споров. Поэтому суд не принял во внимание их показания, из которых следовало, что Филатов якобы назвал императрицу Марию Федоровну «германкой», а ее сына Михаила охарактеризовал словами: «... черт знает, откуда» [Там же, д. 2352, л. 63]. Упоминание в материалах дела вражды между свидетелем и обвиняемым служило поводом для смягчения приговора либо прекращения следствия. Стоит отметить принципиальность большинства работников правоохранительных органов, которые не доверяли доносам, если были сомнения в непредвзятости свидетелей.

В фондах РГИА и ГАТО изучено 236 случаев оскорбления лиц императорской фамилии, где указан возраст обвиняемых. Для удобства работы информация заносилась в таблицы Microsoft Excel. Всего проанализировано 164 случая обвинения крестьян поколения «революционного перелома» и 72 — более старших возрастов.

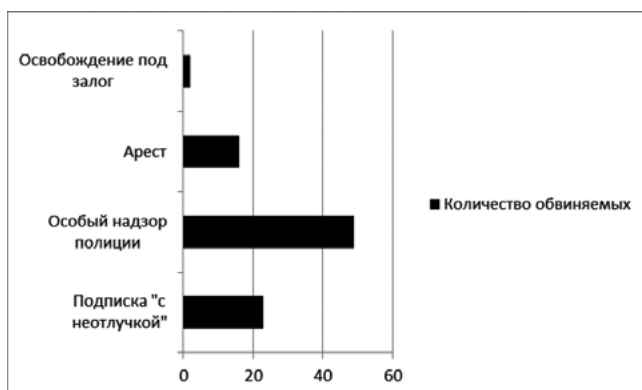

Рис. 1. Распределение обвиняемых из поколения «революционного перелома» по форме наказания.

Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476; ГАТО, ф. 4. оп. 1, д. 8930, д. 8998, д. 9494, д. 9691, д. 9271, д. 8950; ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, д. 2349, д. 8948, д. 8949, д. 2350, д. 2352, д. 2355, д. 2357, д. 2359, д. 2363, д. 2365].

Согласно законодательству того времени крестьяне-подростки младше 16 лет не получали никаких наказаний, кроме надзора со стороны родителей. Распределение дел по мере пресечения среди обвиняемых в возрасте от 16 до 31 года представлено на диаграмме (рис. 1). При анализе видов наказания, примененных к оскорбившим императора, бросается в глаза незначительное количество строгих мер. Большинство случаев заканчивались установлением особого надзора полиции (29,8 %). Подписку о невы-

езде взяли с 14 % обвиняемых. Только в 16 случаях в материалах фигурировал арест или содержание под стражей (9,7 %). В 43-х случаях крестьяне были призваны в действующую армию (26,25). Значительный процент дел остался неразобранным из-за отсутствия доказательств или ненадежности свидетельских показаний.

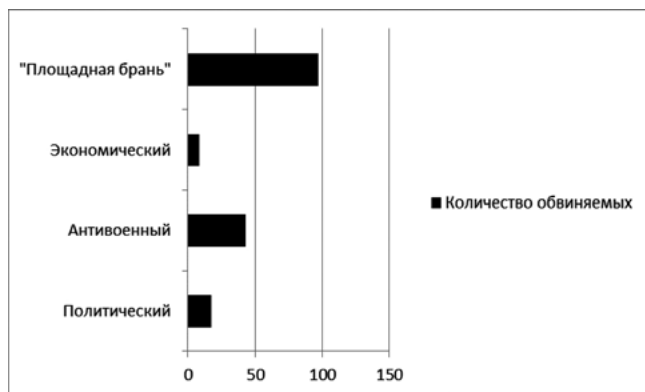

Рис. 2. Распределение обвиняемых из поколения «революционного перелома» по характеру оскорбления.

Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476; ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 8930, д. 8998, д. 9494, д. 9691, д. 9271, д. 8950; ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, д. 2349, д. 8948, д. 8949, д. 2350, д. 2352, д. 2355, д. 2357, д. 2359, д. 2363, д. 2365].

Крестьянские высказывания в адрес императорской фамилии довольно сумбурны, тем не менее можно условно выделить в них четыре группы: антивоенные, политические, экономические и «площадная брань». Среди обвиняемых представителей поколения «революционного перелома» большинство преступлений приходилось на инвективы с использованием обсценной лексики в адрес императора или членов царствующего дома (59,1 %) (см. рис. 2). Помимо 43 случаев антивоенных высказываний (26,2 %), заметно число политических комментариев, которых выявлено 17 (10,3 %). Выступлений, в которых основной акцент сделан на экономических проблемах, всего 4,8 %.

Меры пресечения для обвиняемых крестьян старших поколений представлены в виде диаграммы (рис. 3). В качестве наказания преобладал особый надзор полиции (37,5 %). В 19 случаях мерой пресечения стала лишь подписка о невыезде (26,3 %). Существенно реже, чем в поколении «революционного перелома», встречаются случаи призыва крестьян в армию — 12 (16,6 %).

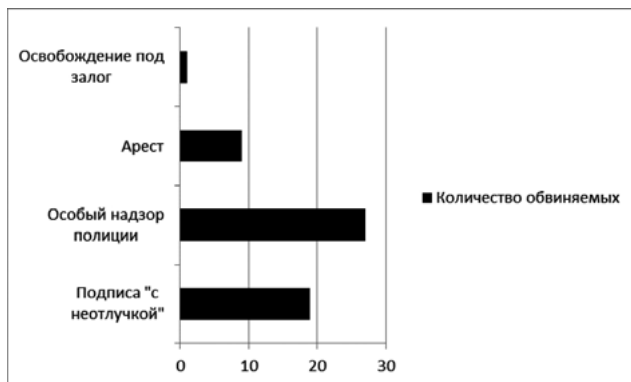

Рис. 3. Распределение обвиняемых из старших поколений по форме наказания.

Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476; ГАТО, ф. 4. оп. 1, д. 8930, д. 8998, д. 9494, д. 9691, д. 9271, д. 8950; ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, д. 2349, д. 8948, д. 8949, д. 2350, д. 2352, д. 2355, д. 2357, д. 2359, д. 2363, д. 2365].

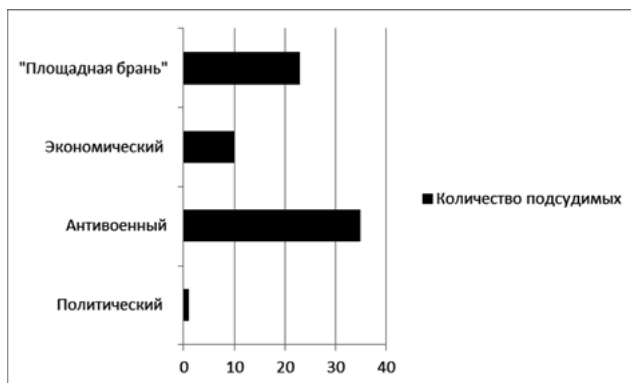

Рис. 4. Распределение обвиняемых по характеру оскорбления из старших поколений.

Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476; ГАТО, ф. 4. оп. 1, д. 8930, д. 8998, д. 9494, д. 9691, д. 9271, д. 8950; ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, д. 2349, д. 8948, д. 8949, д. 2350, д. 2352, д. 2355, д. 2357, д. 2359, д. 2363, д. 2365].

Среди старших возрастов в материалах дел существенно ниже доля случаев «площадной брани» (31,9 %), чем в поколении «революционного перелома». Согласно диаграмме, преобладали антивоенные высказывания (48,6 %) (рис. 4). Заметно выше процент выступлений экономического характера (13,8 %). Вероятно, это связано с тревогой за сохранение крестьянского хозяйства в условиях войны. Для более зрелых крестьян не характер-

ны выступления исключительно политического характера. Это свидетельствует о большей политизированности и радикализации представителей генерации «революционного перелома».

Согласно подсчетам В. К. Аксенова, среди всех возрастов больше обвиняемых было среди 40-летних мужчин и 30-ти летних женщин [Аксенов, 2020, с. 266]. Историк объясняет такие данные не мобилизационными кампаниями, а недовольством в обществе властью.

Среди обвиняемых представителей поколения «революционного перелома» совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения — 38,4 %. В старших возрастах этот показатель составлял 20,8 %. Повидимому, молодые крестьяне чаще употребляли спиртные напитки, при этом были более склонны к проявлению неуважения к императору. Можно сделать вывод о большей раскрепощенности представителей поколения «революционного перелома» по сравнению со старшим поколением.

Спорным представляется мнение Д. А. Сафонова [Сафонов, 2017, с. 203] о том, что документы об оскорблении лиц императорской фамилии не свидетельствуют об эрозии «наивного монархизма» в среде крестьянского социума. Очевидно, что, браня императора, землепашцы не могли сформулировать никакой позитивной политической программы. Монархизм крестьян в основной массе сохранялся, но война пошатнула авторитет императора и его семьи. Это подтверждает ретроспективный взгляд на то, как было воспринято крестьянами падение монархии.

4. Заключение = Conclusions

Материалы дел об оскорблении лиц императорской фамилии являются важнейшим источником для понимания как конкретных исторических событий, так и кардинальных социальных и политических трансформаций. Крестьянскую речь того периода сложно назвать богатой. Исследование показывает схожие нарративы в высказываниях землепашцев разных губерний. Повторяющиеся стереотипные слова свидетельствуют о настроениях, царивших в обществе.

Многое определял контекст, в котором произносились оскорбительные речи и физическое самочувствие преступника. В состоянии алкогольного опьянения крестьяне произносили случайную брань либо антивоенные заявления. В делах, где пьянство не фигурирует, заметно преобладание критики тяжелого положения в стране и политики властей.

В период 1914—1917 годов критическое отношение к власти со стороны молодого поколения определялось в первую очередь нежеланием идти на фронт. Общими для сельского социума факторами недовольства был недостаток земли, реквизиция лошадей для фронта, результаты столыпинской

аграрной реформы, инфляция и высокие налоги. Кроме социально-экономических причин произнесения оскорбительных речей, немаловажное значение имели слухи, широко распространенные в деревне. Крестьяне без энтузиазма отнеслись к принятию Николаем II поста Верховного главнокомандующего армией. Критическому восприятию в обществе подвергались как внутривнутриполитический курс императора, так и его непосредственное руководство военными операциями, в том числе такая мера, как введение «сухого закона».

Негативное отношение к войне находило выражение в оскорблениях государя. Широко распространенная практика забирать на фронт обвиняемых в оскорблении царя молодых людей в перспективе могла сказаться на верности войск императору. События февраля — марта 1917 года показали отсутствие в войсках стойких монархических настроений.

Для крестьянства поколения «революционного перелома», согласно материалам следственных дел, была характерна триада протестных практик: «площадная брань», антивоенная риторика и высказывания с прямым политическим подтекстом. Для более старших возрастов характерна высокая доля антивоенной риторики, оскорбительных высказываний и выражений недовольства экономическим положением. В целом настроения поколения «революционного перелома» характеризуются большей радикализацией и политизацией, что обусловлено специфическим социальным опытом этих граждан, полученным в фомативные годы.

Угрозы убийства в адрес царя свидетельствуют о десакрализации его образа в глазах части крестьян. Применительно к периоду 1914—1917 годов фиксируется массовое появление в высказываниях землепашцев маркеров агрессии — «убить», «зарезать», «повесить» и т. д. Для настроений представителей поколения «революционного перелома» наиболее заметно падение авторитета правящего монарха. Мировая война служила катализатором этого процесса.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*. Ф. 4. (Канцелярия губернатора). Оп. 1. Д. 8998, 9494, 8948, 8949, 8930, 9691, 9271, 8950 ; Ф. 272 (Губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 2365, 2357, 2348, 2971, 2355, 2352, 2349, 8948, 8949, 2350, 2352, 2355, 2359, 2363.

2. *Новое уголовное уложение*, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. — Санкт-Петербург : Изд. Каменноостровского книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. — 130 с.

3. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1405 (Министерство юстиции) Оп. 521. Д. 476.

Литература

1. Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918) / В. Б. Аксенов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 992 с.
2. Аксенов В. Б. Убить Николая II : Угрозы, слухи, реалии (1914—1918 гг.) / В. Б. Аксенов // Исторические записки. — 2021. — № 20 (138). — С. 124—150.
3. Безгин В. Б. Как и за что крестьяне бранили царя (по материалам следственных дел конца XIX — начала XX века) / В. Б. Безгин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (74). — Ч. 2. — С. 24—27.
4. Безгин В. Б. Российская деревня первой трети XX века : поколение «революционного перелома» / В. Б. Безгин, А. Ю. Вязинкин, В. А. Ипполитов, Д. А. Сафонов, А. А. Слезин, К. А. Якимов. — Москва : Квадрига, 2025. — 504 с.
5. Булдаков В. П. Революция, эмоции, политики : к переосмыслению событий 1914—1917 гг. / В. П. Булдаков // Политическая концептология. — 2017. — № 2. — С. 147—180.
6. Варфоломеев Ю. В. Количественные и качественные изменения в структуре государственных преступлений в начале XX века (по материалам Саратовской судебной палаты и окружного суда) / А. Ю. Варфоломеев, Ю. В. Варфоломеев // Базис. — 2023. — № 1 (13). — С. 77—85. — DOI: 10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544.
7. Варфоломеев Ю. В. Слухи о царской измене в контексте «политической порнографии» России накануне Февральской революции / Ю. В. Варфоломеев // Известия Саратовского университета. — 2010. — Т. 10. — Выпуск 2. — С. 73—79.
8. Варфоломеев Ю. В. Характер государственных преступлений в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Саратовской судебной палаты) / Ю. В. Варфоломеев // Базис. — 2024. — № 2 (16). — С. 41—44.
9. Вязинкин А. Ю. Крестьяне в революционных событиях начала XX века : по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 402—417. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417.
10. Ипполитов В. А. Факторы состояния здоровья крестьян поколения «революционного перелома» в 1920-е годы (на примере Тамбовской губернии) / В. А. Ипполитов // Крестьяноведение. — 2023. — Т. 8. — № 2. — С. 46—63. — DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-46-63.
11. Колоницкий Б. И. Трагическая эротика : образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 657 с. — ISBN 978-5-86793-757-7.
12. Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами Особы Государя Императора в начале XX века / Н. А. Коновалова // Вестник Омского университета. — 2014. — № 1 (71). — С. 42—47.
13. Корнева М. Н. «Оскорбление Его Величества дерзкими словами» как государственное преступление (на материалах Санкт-Петербургских архивов) / М. Н. Корнева, А. А. Солнышкин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 388—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409.
14. Кузнецов И. Н. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX — начала XX века по следственным делам об оскорблении имени и титула императора и членов императорской семьи / И. Н. Кузнецов // Вестник архивиста. — 2013. — № 3. — С. 215—226.

15. Кулачков В. В. Характеристика восприятия императора Николая II в правовом сознании крестьян Западного региона России периода первой мировой войны / В. В. Кулачков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История. Политология. — 2016. — № 15 (236). — С. 131—135.

16. Левада Ю. А. Поколения XX века возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5 (55). — С. 7—14.

17. Лушин А. Н. Деятельность полиции по пресечению оскорблений монарших особ в Российской империи во второй половине XIX — начала XX века (на примере Нижегородской губернии) / А. Н. Лушин, К. А. Чудецкая // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2020. — № 3 (51). — С. 75—78.

18. Мангейм К. Очерки социологии знания : Проблема поколений — созидательность — экономические амбиции / К. Мангейм ; Пер. с англ. Е. Я. Додина. — Москва : ИНИОН РАН, 2000. — 162 с. — ISBN 5-248-01334-8.

19. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет ; Пер. с исп. ; Сост., предисл. общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. — Москва : Весь Мир, 2000. — 700 с. — ISBN 5-7777-0116-7.

20. Патраш Н. В. Трансформация образа царя в сознании населения Псковской губернии в начале XX века по материалам судебно-следственных дел / Н. В. Патраш // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. — 2016. — № 3. — С. 92—102.

21. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны / О. С. Поршнева. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 366 с. — ISBN 5-8243-0590-0.

22. Пушина Л. Ю. Поколение как социокультурная общность / Л. Ю. Пушина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. — 2011. — № 3 (23). — С. 28—34.

23. Самохин К. В. Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии) / К. В. Самохин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 480 — 499. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499.

24. Сафонов Д. А. Деятельность правоохранительных органов России конца XIX — начала XX века по правоприменению статей об «оскорблении величества» / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2016. — № 4 (20). — С. 171—184.

25. Сафонов Д. А. Деятельность правоохранительных органов России конца XIX — начала XX века по правоприменению статей об «оскорблении величества» / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2016. — № 4 (20). — С. 171—184.

26. Сафонов Д. А. «Оскорбление Величества» как индикатор общественного сознания провинциального общества конца XIX — начала XX века / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2017. — № 2 (22). — С. 193—208.

27. Сафонов Д. А. Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны : информационные возможности / Д. А. Сафонов // История: факты и символы. — 2024. — № 1 (38). — С. 117—134. — DOI: 10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134.

28. Слепцов А. С. География оскорблений членов императорской семьи в области войска Донского в начале XX века / А. С. Слепцов // Известия высших учебных за-

ведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2024. — № 1 (221). — С. 74—83.

29. Слепцов А. С. Образ монаршей власти : кого и почему оскорбляли в области войска Донского в начале XX века / А. С. Слепцов // Клио. — 2024. — № 5 (209). — С. 126—132. — DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-126-132.

30. Слепцов А. С. Дела по оскорблению императорской особы как исторический источник / А. С. Слепцов // В сборнике : Платоновские чтения. Материалы и доклады XXIX Всероссийской конференции молодых историков. — Самара : ООО «САМАРА-МА», 2024. — С. 175—177. — ISBN 978-5-605-14607-0.

31. Howe N. The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. — New York : William Morrow & Company, 1991. — Pp. 58—68.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025,
одобрена после рецензирования 03.10.2025,
подготовлена к публикации 20.10.2025.

Material resources

GATO — *The State Archive of the Tambov region. F. 4. (Office of the Governor). Op. 1. D. 8998, 9494, 8948, 8949, 8930, 9691, 9271, 8950; F. 272 (Provincial Gendarmerie Department). Op. 1. D. 2365, 2357, 2348, 2971, 2355, 2352, 2349, 8948, 8949, 2350, 2352, 2355, 2359, 2363. (In Russ.).*

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1405 (Ministry of Justice) Op. 521. D. 476. (In Russ.).*

The new Criminal Code, Most highly approved on March 22, 1903. (1903). St. Petersburg: Publishing House of the Kamennooostrovsky V. P. Anisimov Bookstore. 130 p. (In Russ.).

References

Aksenov, V. B. (2020). *Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the war and Revolution (1914—1918)*. Moscow: New Literary Review. 992 p. (In Russ.).

Aksenov, V. B. (2021). To kill Nicholas II: Threats, rumors, realities (1914—1918). *Historical notes*, 20 (138): 124—150. (In Russ.).

Bezgin, V. B., Vyazinkin, A. Yu., Ippolitov, V. A. (2025). *The Russian village of the first third of the twentieth century: the generation of the “revolutionary turning point”*. Moscow: Quadriga. 504 p. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2016). How and for what the peasants scolded the tsar (based on the materials of investigative cases of the late 19th — early 20th century). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 12 (74) / 2: 24—27. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2017). Revolution, emotions, politics: towards rethinking the events of 1914—1917. *Political conceptology*, 2: 147—180. (In Russ.).

Howe, N., Strauss, W. (1991). *The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company. 58—68.

Ippolitov, V. A. (2023). Factors of the health status of peasants of the “revolutionary turning point” generation in the 1920s (on the example of the Tambov province). *Peasant Studies*, 8 (2): 46—63. DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-46-63. (In Russ.).

Kolonitsky, B. I. (2010). *Tragic eroticism: images of the Imperial family during the First World War*. Moscow: New Literary Review. 657 p. ISBN 978-5-86793-757-7. (In Russ.).

- Konovalova, N. A. (2014). On the study of the problem of peasants insulting the Person of the Emperor at the beginning of the XX century. *Bulletin of Omsk University, 1* (71): 42—47. (In Russ.).
- Korneva, M. N., Solnyshkin, A. A. (2022). “Insulting His Majesty with insolent words” as a state crime (based on the materials of the St. Petersburg archives). *Scientific dialogue, 11* (10): 388—409. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409. (In Russ.).
- Kulachkov, V. V. (2016). Characteristics of the perception of Emperor Nicholas II in the legal consciousness of the peasants of the Western region of Russia during the First World War. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science, 15* (236): 131—135. (In Russ.).
- Kuznetsov, I. N. (2013). The image of the tsar in the minds of the Vologda province peasantry in the second half of the 19th — early 20th century in investigative cases of insulting the name and title of the emperor and members of the imperial family. *Archivist's Bulletin, 3*: 215—226. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes, 5* (55): 7—14. (In Russ.).
- Lushin, A. N., Chudetskaya, K. A. (2020). Police activities aimed at suppressing insults to monarchs in the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century (on the example of Nizhny Novgorod province). *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3* (51): 75—78. (In Russ.).
- Mannheim, K. (2000). *Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations — Competitiveness — Economic Ambitions*. Moscow: INION RAS. 162 p. ISBN 5-248-01334-8. (In Russ.).
- Ortega y Gasset H. (2000). *Selected works*. Moscow: The Whole World. 700 p. ISBN 5-7777-0116-7. (In Russ.).
- Patrash, N. V. (2016). Transformation of the image of the tsar in the minds of the population of Pskov province in the early twentieth century based on materials of judicial and investigative cases. *Bulletin of Tver State University. Series: History, 3*: 92—102. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2004). *Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve and during the First World War*. Moscow: ROSSPEN. 366 p. ISBN 5-8243-0590-0. (In Russ.).
- Pushina, L. Y. (2011). Generation as a socio-cultural community. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences, 3* (23): 28—34. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2016). The activities of law enforcement agencies in Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century on the enforcement of articles on “insulting majesty”. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal, 4* (20): 171—184. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2016). The activity of law enforcement agencies of Russia in the late XIX — early XX century on the enforcement of articles on “insulting majesty”. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal, 4* (20): 171—184. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2017). “Insulting Majesty” as an indicator of the public consciousness of provincial society in the late 19th — early 20th century. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal, 2* (22): 193—208. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2024). Social portrait of veterans of the First World War: information opportunities. *History: facts and symbols, 1* (38): 117—134. DOI: 10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134. (In Russ.).

- Samokhin, K. V. (2024). Assassination of Alexander II in Cases of Insulting Majesty (Material from Tambov Province). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 480—499. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499>. (In Russ.).
- Sleptsov, A. S. (2024). Cases of insulting the imperial person as a historical source. In: *In the collection: Platonic readings. Materials and reports of the XXIX All-Russian Conference of Young Historians*. Samara: SAMARAMA LLC. 175—177. ISBN 978-5-605-14607-0. (In Russ.).
- Sleptsov, A. S. (2024). Geography of insults to members of the imperial family in the field of the Don army in the early twentieth century. *News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*, 1 (221): 74—83. (In Russ.).
- Sleptsov, A. S. (2024). The image of monarchical power: who and why was insulted in the field of the Don army at the beginning of the twentieth century. *Klio*, 5 (209): 126—132. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-126-132. (In Russ.).
- Varfolomeev, Yu. V. (2010). Rumors of tsarist treason in the context of Russia's "political pornography" on the eve of the February Revolution. *Proceedings of the Saratov University*, 10 (2): 73—79. (In Russ.).
- Varfolomeev, Yu. V. (2024). The nature of state crimes in the Russian Empire during the First World War (based on the materials of the Saratov Judicial Chamber). *Basis*, 2 (16): 41—44. (In Russ.).
- Varfolomeev, Yu. V., Varfolomeev, Yu. V. (2023). Quantitative and qualitative changes in the structure of state crimes in the early twentieth century (based on the materials of the Saratov Judicial Chamber and the District Court). *Basis*, 1 (13): 7—85. DOI: 10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Peasants in Revolutionary Events of Early 20th Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 402—417. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417>. (In Russ.).

*The article was submitted 20.06.2025;
approved after reviewing 03.10.2025;
accepted for publication 20.10.2025.*